

Карта звездного неба

20 марта — 9 дней, как с нами нет **Эдуарда Григорьевича Бабаева**. Может быть, не всем знакомо это имя, но для многих поколений университетских студентов он был живой легендой. Многие "дневники" оставались на факультете, чтобы вместе с "вечерниками" послушать Эдуарда Григорьевича. Как правило, его провожали аплодисментами.

Прочитав этот материал, который я написала на третьем курсе, Эдуард Григорьевич поблагодарил меня, но попросил его не печатать — наш любимый профессор был невероятно скромным. Кто мог тогда подумать, что так скоро настанет время достать эту рукопись, чтобы рассказать об уже ушедшем замечательном человеке.

Идет экзамен

— Душа моя, я не хочу вас ни о чем спрашивать, почитайте мне что-нибудь наизусть.

... Ущерб, изнеможенье и на всем

Та кроткая улыбка

увяданья,

Что в существе разумном мы зовем

Божественной

стыдливостью страданья.

Последние строки мы договариваем вместе. Они гулочно звучат в пустой огромной университетской аудитории, которая называлась Ленинской. Гипсовый Ильич недоумевающе смотрит на нас из угла.

— Понимаете, именно этому я и хотел вас научить. Страданием нельзя кичиться. "Божественная стыдливость" — это замечательно, это... благородно...

х х х

Свою жизнь, как и рукописи своих лекций, Эдуард Григорьевич Бабаев назвал "Служение муз". Поэт, прозаик, переводчик восточной поэзии, он писал, по совету Маяковского, "не отрываясь от профессии, которая дает вам хлеб, рубашку и воскресное кино", — преподавал (сначала в средней школе, потом в

начальной школе, потом в МГУ), работал в московском музее Л.Н.Толстого. Но никогда не стремился делать из литературного творчества профессию, ведь "чудо не должно быть повседневным". Как сказал однажды Корней Чуковский, "пишите бескорыстно, за это больше платят". И жизнь, которая, наверное, ни к кому никогда не бывает особенно добра, подарила Эдуарду Григорьевичу много незабываемых встреч.

х х х

В ташкентской школе, где учился Эдуард Григорьевич, английский язык преподавала Надежда Яковлевна Мандельштам. Однажды он переписал у нее целую тетрадь неопубликованных стихотворений Осипа Мандельштама (1-я страница — для достоверности — написана рукой Н.Я.). Эта тетрадь была спасена дважды: во время войны и во время знаменитого ташкентского землетрясения. Страшная это была рукопись — за нее могли и посадить. Многие стихотворения "спаслись" только благодаря этому списку, так как не сохранились даже у Надежды Яковлевны. Позднее ташкентский список вошел в собрания сочинений Осипа Мандельштама как "Тетрадь Бабаева".

х х х

— Поэты обладают способностью проваливаться в слова. Однажды Мандельштам на занятиях по латыни услышал, что "стефанос" в переводе означает "венки". Он встал и ушел. Когда его спросили, почему он это сделал, он ответил: "Это так прекрасно, что не могу больше ничего слушать".

х х х

Однажды в их дом забрел старик-гадальщик. И назвал маленького Эдуарда Григорьевича загадочным словом "звукособ".

Свое первое признание "звукособ" получил в любительском поэтическом альманахе "Улисс", в выпуске которого принимали участие его друзья. Первым его редактором был Георгий Мур, сын Марины Цветаевой, "джентльмен", как все его называли.

х х х

— Я никогда не был диссидентом, не произносил речи на митингах. Правда, в 37-м, когда мне было 10 лет, мы с сестрой с воодушевлением распевали революционную песню "... Товарищи в тюрьмах, в застенках холодных..." Наш отец был в ужасе...

Этой силы

не измерить,
Не забудешь никогда.

Не гадать,
а только верить
Можно было в те года.

х х х

Свою дружбу с Ахматовой Эдуард Григорьевич называл самым лучшим, что было в его жизни.

Возвращаясь воинским эшелоном из Самарканда после окончания работ в геодезической экспедиции, 15-лет-

ний мальчик услышал, как офицер читает друзьям стихи. Они так понравились, что, приехав в Ташкент, он отправился на поиски этой книги. Найти ее было трудно, и ему посоветовали обратиться в Союз писателей к А.Н.Тихонову-Сереброву. Александр Николаевич, ни о чем не спрашивая, дал мальчику один экземпляр, а затем, немного подумав, попросил отнести книги Анне Андреевне. Знакомая медсестра, узнав куда он идет, заставила его вымыть шею и надеть чистую рубашку. Он поднялся по шаткой лестнице на "балахану" дома на улице Жуковской. Анна Андреевна встретила его просто, провела, усадила и сказала: "Рассказывайте". И неожиданно для себя он стал рассказывать, как однажды заснул, положив сумку под голову, вблизи шоссе на дороге, по которой ехали машины, шли солдаты, гнали ревущих верблюдов погонщики. Никто не мог его разбудить, пока кто-то не достал из его сумки книгу Пушкина и не прочел наугад несколько слов. И он проснулся. "Анна Ахматова тихо засмеялась, отодвинула свечу, еще раз взглянула на меня и сказала: "Теперь я понимаю, почему у вас пыльные башмаки, но объясните, ради Бога, почему у вас такая чистая рубашка?" Так началась эта дружба, длившаяся много лет, хотя жизнь часто разводила их в разные стороны.

Эдуард Григорьевич переписал по рукописям Ахматовой ее "Поэму без героя", и до сих пор, как и многие исследователи, считает "ташкентский вариант" поэмы более совершенным, чем поздняя версия. "Анна Ахматова записывала стихи на полу-

листах с обеих сторон. Так что рукописей было немного... Могло даже показаться, что она ими и не очень дорожила. Так, перед отъездом из Ташкента она подарила мне рукопись поэмы "Путем всея земли" ("Китежанка"). А это был единственный экземпляр. Впоследствии именно по этому списку на разноцветных листах и готовилась к печати "Китежанка".

Эдуард Григорьевич сохранил не только многие ее афоризмы, высказывания и блестящие устные рассказы, но и некоторые стихотворения. "Это потерянные стихи", — сказала Ахматова о своем "De profundis". И тогда вчерашний школьник с точностью воспроизвел "Две войны, мое поколение, освещало твой страшный путь..." И, переписав на бумагу, с поклоном вручил это стихотворение изумленному автору.

х х х

— Однажды, придя домой, я сказал: "Я прочитал курс лекций о Пушкине в Московском университете — теперь можно и умирать".

х х х

— "Дайте им карту звездного неба — и они вернут ее исправленной", — писал Достоевский. Весь успех моих лекций заключается в том, что я никогда не исправлял карту звездного неба. Даже в самые неблагоприятные годы мои контурные карты классической русской литературы совпадали с ее истинными чертаниями. И студенты инстинктивно чувствовали это.

Ольга ФУКС,
выпускница факультета журналистики МГУ, 1994 года.